

© КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ, 2012

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ В ОККУПИРОВАННОМ ВИТЕБСКЕ В РАССКАЗАХ ОЧЕВИДЦЕВ И ДОКУМЕНТАХ

КУЗЬМЕНКО Т.В., ШМАКОВ А.П., ЗУЕВ Н.Н.

*УО «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет»,
кафедра госпитальной хирургии с курсами урологии и детской хирургии*

Резюме. Годы изменяют и стирают в памяти события Второй мировой войны. Уходят из жизни свидетели тех лет. Настоящая работа основана на воспоминаниях очевидцев и документах специальных изданий о войне. С 28 июня по 11 июля 1941 года длилась оборона Витебска. Многие жители эвакуировались или погибли. К 1943 году в городе осталось 33 тысячи из 180 тысяч довоенных жителей. На оккупированной территории резко сократилось число лечебных учреждений и медицинских работников. Ценой героических усилий оставшихся медиков Мурашко-Махнова, Окулович, Журинской, Богдановой, Прудковской и др. медицинская помощь жителям оккупированного Витебска продолжала оказываться. Восстановление и развитие медицинской службы в освобожденном городе связано с именами Денисовой, Лызикова, Биркан, Соболевской, Наместникова и многих других. Вечная им память.

Ключевые слова: *Вторая мировая война, Витебск.*

Abstract. Years change and obliterate the events of the Second World War. The witnesses of those events die. This work is based on the recollections of witnesses and documents of special editions about the war. The defense of Vitebsk lasted from the 28th of June till the 11th of July 1941. Many residents were evacuated or perished. By 1943 the city had 33,000 out of 180,000 inhabitants of the pre-war period. The number of hospitals and medical staff dramatically reduced on the occupied territory. Medical aid was still provided to the citizens of occupied Vitebsk at the cost of heroic efforts of the remaining physicians Murashko-Makhnov, Okulovich, Zhurinskaya, Bogdanova, Prudkovskaya and others. Restoration of medical service in the liberated city and its further development are connected with the names of Denisova, Lyzikov, Birkan, Sobolevskaya, Namestnikov and many others. May their memory live for ever.

С каждым годом мы все больше узнаем о прошедшей войне. Отыскиваются новые документы, раскрываются старые, доступными становятся архивы, изменяются оценки событий.

Приходится признать, что, несмотря на усилия современных историков, достоверную картину Великой Отечественной войны создать так и не придется потому,

что с каждым годом все меньше остается в живых тех, кто пережил, перестрадал ее, кто в свое время, в силу многих причин, не мог рассказать того, что можно рассказать сегодня. Но именно их искренние рассказы придают эмоциональную, живую окраску официальным документам, а порой являются единственным источником информации о каком-либо событии той поры.

Цель исследования: на основании рассказов очевидцев, с которыми авторы настоящей статьи были знакомы лично, а также используя документы, опубликованные в специальных изданиях, но редко цитируемые в СМИ [2, 6, 10], мы хотим рассказать

Адрес для корреспонденции: 210023, г. Витебск, пр-т Фрунзе, 27, Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет, кафедра госпитальной хирургии с курсами урологии и детской хирургии. Тел.: 8 (0212) 47-77-74 – Шмаков А.П.

широкому кругу читателей и, прежде всего молодежи, о страшных годах фашистской оккупации г. Витебска 1941-1944 гг.

25 июля 1941 года, в сорок третий день войны, генерал-полковник Гальдер записывает в свой дневник важное признание генерала-фельдмаршала Браухича: «Своеобразие страны и своеобразие русских придает компании особую специфику. Первый серьезный противник» [8]. Никто не решится оспаривать широко известный факт, что в любой войне основную часть человеческих потерь составляет гражданское население, и прежде всего самая уязвимая часть – дети женщины, старики. Массовое уничтожение мирного населения в Белоруссии придает особенно зловещий смысл словам Браухича о «серьезности противника». Гитлеровцы планировали поселить на территории нашей области 20000 немецких колонистов, каждому из которых было положено иметь 2 раба-белоруса. Участь остальных витебчан известна: в области погиб каждый третий.

Наш город так же, как и другие города и села Белоруссии, был оккупирован гитлеровцами на второй месяц войны. Оборона Витебска с 28 июня по 11 июля 1941 года унесла много жизней, но город отстоять не удалось. Перед самым приходом фашистов начальник вокзала вышел к беженцам, в огромном количестве скопившимся в здании, и сказал, что последняя железнодорожная ветка на восток отрезана. Спасаться еще можно было, используя проселочные дороги, и люди побежали. Улица имени Кирова тогда была значительно уже, чем сейчас, в тот день по обеим сторонам стояли две сплошные стены огня. Женщины, дети, старики бежали к еще не взорванному Кировскому мосту. На людях загоралась одежда, загорались волосы у женщин, в воздухе сплошной дым и гарь, а с неба раздавался безжалостный гул немецких самолетов [8, 9].

Об этом дне Татьяна Андреевна Авдеева, бывшая медсестра инфекционной больницы, знает из рассказов своей матери. Ее, тогда двухлетнюю девочку, мама вынесла на руках из горящего города. Но в этом безумном бегстве от смерти потеря-

лись и уже никогда не нашлись бабушка и молоденькая тетя Татьяны Андреевны.

До сих пор невозможно учесть число гражданских жертв при обороне Витебска с 28 июня по 11 июля 1941 года. Известно только, что в 1943 году в городе осталось 33 тысячи из 180 тысяч довоенных жителей.

«Новый порядок» на оккупированных землях немцы устанавливали через институт так называемых городских управ. В Витебской управе к 1942 году функционировали 13 отделов, в том числе и охраны здоровья, а в 1943 году – всего 3, но отдела здравоохранения уже не было [8]. Очевидно, лечить стало некого и некому.

Между тем, из материалов оккупационной прессы известно, что за октябрь – декабрь 1941 года обслужено 51 960 человек, при этом истрачено около 2 тысяч рублей на человека (1 марка в то время эквивалентна 10 советским рублям). Ни у кого не вызывает сомнения лживость этой информации. По-видимому, редактор газеты «Новый путь» именно поэтому был казнен партизанами в 1942 году [2].

Вместе с тем охране здоровья жителям города, пусть и не в таких мифических масштабах, всё-таки уделялось внимание, так как фашисты серьезно опасались вспышек эпидемий в своем тылу.

В годы оккупации в Витебске работали 4 больницы, 1 поликлиника, 4 амбулатории и 2 аптеки. Казалось бы, что для лечения значительно сократившегося населения этого было достаточно. Однако в условиях катастрофического дефицита медикаментов, медицинских инструментов, инвентаря и продовольствия (и это признавали сами оккупанты) медицинское обслуживание не могло быть полноценным [8]. Кстати, лечение в этих медицинских учреждениях было платным, разумеется, в пользу оккупантов.

Медицинское обслуживание в основном осуществляли оставшиеся в городе 29 врачей. Большинство из них явились основой 4 подпольных групп. Практически все они погибли к 1943 году в застенках гестапо, и медицинскую помощь оказывать было уже некому. Одна из явочных квартир подпольщиков находилась по нынешней улице

Ленина, 18, рядом с детской больницей, недалеко от виселицы на Ратушной площади и расстрельного Духовского оврага [2, 3].

Подпольные группы врачей, студентов мединститута, медсестер снабжали лекарствами, медицинскими инструментами, перевязочным материалом партизанские отряды, остро нуждающиеся в самом необходимом. По подпольным медицинским справкам медики-подпольщики спасли много военнопленных и переправили в партизанские отряды. Удалось освободить от угона в Германию часть мирных жителей Витебска [4, 7, 8].

В городе и окрестностях действовали группы подпольщиков-медиков Мурашко-Махнова, Околович, группа Журинской, Богдановой. Много медицинских работников было и в партизанских отрядах [4, 7, 8, 9].

Елена Петровна Сушко, профессор, зав. кафедрой педиатрии ВГМИ назвала оккупацию «лишением человеческих достоинств у людей». В годы войны 16-летняя Елена Петровна была разведчицей и взрывником в партизанском отряде им.Рокоссовского, на себе испытала методы воздействия фашистской идеологической машины и фашистскую жестокость [10].

Вот что рассказал нам Владимир Иванович Григорьев, организатор и первый заведующий детским травматологическим отделением, детской больницы г.Витебска.

«Я мало помню из того времени. Ни бомбежек, ни пожаров, ни даже голода, был слишком мал. Мне запомнился всего один эпизод, он навсегда остался в моей детской памяти. Мы с мамой жили в подвале дома на ул. Ленина (сейчас это старое кирпичное здание оборудовано под клуб игровых автоматов). Однажды я возился с игрушкой какой-то на земле. Проходящий мимо немецкий солдат без всякой видимой причины пнул меня сапогом, да так сильно, что я отлетел к крыльцу и больно ударился о ступени. Спасло меня то, что мама оказалась рядом, схватила и унесла меня подальше от глаз этого солдата. Я хорошо помню, что на нем не было черной формы. Обыкновенный немец. Обыкновенный фашист».

Дополним рассказ Владимира Ивановича цитатой из книги Пауля Шрадера «Дневник немецкого солдата» [6].

...Эсэсовец слез с лошади, а сам подошел к одной из повозок и приподнял тент... он обнаружил постороннее живое существо. К сиденью был привязан закутанный в одеяло ребенок... Унтер-штурмфюрер заорал на солдата:

- Это еще что такое?

- Ребенок, господин унтер-штурмфюрер.

- Я спрашиваю, чей это ребенок?

- Бездомный, господин унтер-штурмфюрер. Мы его нашли и прихватили с собой.

Лейтенант эсэсовских войск схватился за пистолет.

- Значит, это русский ребенок?

- Так точно, господин унтер-штурмфюрер.

- Проклятая немецкая сентиментальность! – сказал он и выстрелил ребенку в голову.

...Я почувствовал, как у меня горят подошвы ног. Горячая и холодная волна прокатилась по всему телу. Пожилой солдат-связист вытащил ноги и обрезал постромки, державшие мертвого ребенка...

Это произошло в октябре 1941 года, на дороге между Витебском и Полоцком, где у переправы скопилось много машин, повозок, воинских частей фашистов. П.Шрадер в тот день вез в Полоцк отчет о работе эвакогоспиталя.

Кёрнер-Шрадер Пауль, унтер-офицер санитарной роты вермахта, родился в Германии в 1900 г. В 1939 г. призван в действующую немецкую армию. Прошел поработенную Польшу, сожженную Белоруссию, два года служил в Витебске в эвакогоспитале для немецких солдат. В зашифрованном виде писал дневники, сумел их сохранить, после войны на основе этих дневников написал пронзительную по искренности книгу «Рыцари похода на восток» (в русском переводе «Дневник немецкого солдата» [9]).

Витебску посвящается несколько глав книги Пауля Шрадера, они являются бесценным источником для местных историков. Далекое не о каждом оккупированном

городе мы имеем сведения, так сказать, с другой стороны, и за это мы должны быть бесконечно благодарны этому немцу по крови, но гуманисту по убеждениям.

Н.И. Дорофеевко посвятила целую главу своей книги «Витебское подполье» Паулю Шрадеру. Рискуя своей жизнью, жизнью своих оставленных в Германии детей и жены, он помогал, чем мог, нашему городу [2]. В личной беседе Н.И. Дорофеевко рассказала нам, что ей посчастливилось познакомиться с дочерью Шрадера, приехавшей в конце 70-х годов в Витебск из ГДР по приглашению администрации города. К сожалению, к этому времени Пауль Шрадер умер, так и не узнав, что одна из улиц в Витебске названа его именем.

Еще несколько цитат из книги Шрадера:

...«Осенним вечером мы добрались до Витебска. Разгрузка была назначена на следующий день. Ночью боялись нападения партизан. Спотыкаясь в полутьме, с автоматами наготове, мы с Рейнике шли по разрушенному городу. Разбитые танки, мотоциклы, изуродованные машины, мебель из разоренных домов, разлагающиеся трупы. «Такая пустыня, Карл. Ни единой души...» - мрачно изрек Рейнике»...

...«Рядом с военно-полевым судом – кинотеатр. На нем висит плакат на русском языке: «Только для немецких солдат». Кто-то углем зачеркнул «солдат» и четко вывел: «грабителей». И это рядом с военно-полевым судом!»... (речь идет о кинотеатре «Спартак»).

...«За школой ветврачей на поросшей соснами высотке врыты в землю высокие колья. Там – стрельбище «отряда вознесения на небо»... (здесь П.Шрадер рассказывает об овраге за ветинститутом, где массовые расстрелы оборвали жизнь тысячам военнопленных и жителей Витебска. Духовской овраг (в районе летнего амфитеатра), Иловский овраг – это тоже братские могилы»...

...«Солдаты сооружали виселицы, воздвигнутые на площади. На одной уже кто-то висел... И вдруг я впал в страшную апатию, почти в бессознательное состояние. Передо мной висел глухонемой»... (Этого человека, глухонемого, Пауль знал

лично, он работал на хозслужбе эвакуационного госпиталя. В Витебске в разных частях города стояли 4 виселицы. Одна из них – перед ратушей, возможно, именно об этой виселице и писал П.Шрадер.)

Паулю Шрадеру пришлось побывать и в концлагерях Витебска, там он отбирал пленных для работы в госпиталях. Кстати, одному из них по поддельной справке Шрадер помог бежать. Своими глазами он видел все, что творили его соотечественники на этих фабриках смерти. После безостановочной работы в госпитале, крови и отчаяния, всего увиденного и пережитого в Витебске зимой 1943 года П.Шрадер заболел, его отправили лечиться в Вильнюс.

«Я, кажется, действительно схожу с ума. У меня началось какое-то ужасное заболевание, меня пугает малейший шорох и всюду чудится трупный запах. Я часто вижу глухонемого на виселице. На меня не действуют самые сильные наркотики. Во рту вкус металла и крови. Мне чудится, будто я сам на виселице, а палач затягивает на мне веревку».

Нервные потрясения, пережитые гражданским населением во время оккупации, не только не лечились, но даже и не фиксировались пунктуальными немцами. Особенно страдали дети. В оккупированном Витебске не было ни одного пункта, где оказывалась бы медицинская помощь детям. Если у детей-славян оставался все-таки шанс выжить, то дети-цыгане, дети-евреи истреблялись все до единого. Причем экономные изверги во время массовых расстрелов пули на детей не тратили, их живыми сбрасывали в адские рвы.

Новая детская больница, построенная в 1940 году, была разрушена, а о беспризорных детях никто не заботился [8].

И все же в Витебске было одно медицинское учреждение, о котором оккупанты регулярно проявляли заботу. Это детский дом №2, располагавшийся в районе сегодняшнего мемориала на площади Победы. Детей не успели эвакуировать, здесь осталось 40 мальчиков и 22 девочки, все моложе 6 лет. Немцы выделяли на одного ребенка в день 5 рублей 40 копеек, на которые можно было

купить всего пол-литра молока [6]. За детьми присматривала Екатерина Андреевна Прудковская, пожилая женщина шестидесяти лет. За спасение детей после войны она получила правительственную награду [3]. Фашисты использовали детей в качестве доноров, чем и объяснялась их «забота». В мае 1944 года, перед штурмом города нашими войсками, фашисты вывезли из Витебска 5,5 тысяч мирного населения, в том числе и 3 тысячи детей до семи лет. Тифозных больных немцы намеренно оставляли в прифронтовой полосе с целью заражения бойцов Советской Армии. Узников поместили в концлагерь в лесу, в районе станции «Крынки», заминировав подходы к нему. Погибло много советских солдат, пытавшихся спасти заключенных [8].

После освобождения Витебска 26 июня 1944 года перед уцелевшими жителями, администрацией города, в том числе и медицинской службой, встала труднейшая задача по восстановлению города, лежавшего в развалинах. 93% зданий были непригодны для эксплуатации [1, 5, 8]. Вспышка эпидемий была настолько реальной, что 9 июля 1944 года была создана чрезвычайная комиссия для решения этой неотложной проблемы [1].

Валентина Антоновна Соболевская, выпускница первого послевоенного набора мединститута, впоследствии заведующая отделением новорожденных Витебской областной детской больницы, рассказала: «Вышла из вокзала, город, конечно, не узнать, да и не было его, города нашего. Меня поразило то, что на каждом шагу, пока я шла до деканата, попадались какие-то ямы, заполненные водой в зеленой яске. Ни машин, ни знаменитого витебского трамвая не было слышно. Слышно было только кваканье лягушек по всему городу. Я не сразу поняла, что ямы эти – либо воронки от бомб, либо все, что осталось от домов: подвалы с водой и лягушками. Деканат вновь открывшегося в сентябре 1946 года мединститута находился в здании бывшей музыкальной школы. В войну это было самое страшное место: здесь располагалось гестапо».

Детей-сирот негде было размещать,

их приняла соседняя Смоленская область. Но уже к 1946 году был открыт первый детский дом, директором которого стал Н.И. Наместников [3].

Его дочь, В.Н. Наместникова, врач по профессии, рассказала, что отца своего она редко видела дома: до войны – главврач детской больницы, во время войны – начальник эвакогоспиталя, а после войны Н.И. Наместников практически жил в детдоме, отдавая всю свою энергию и любовь детям-сиротам. Мария Владимировна Денисова, известный и уважаемый человек в нашем городе, во время войны была в партизанском отряде под началом П.М. Машерова. Возглавляла в послевоенные годы отдел здравоохранения Витебска. Мы имели честь быть лично знакомыми с этой замечательной женщиной. О той огромной работе, которая легла на ее плечи, она, с присущим ей юмором, коротко сказала: «У меня было всего две задачи: одна глобальная – не допустить вспышки эпидемий в городе, а вторая локальная – добыть коробку сосок для роддома».

Витебск освободили в июне 1944 года, а уже в августе из эвакуации была вызвана Мария Семеновна Москова, в сентябре 1944 года она возглавила открывшуюся детскую больницу [3]. Валентина Антоновна Соболевская вспоминает, что материальная база больницы была катастрофически недостаточной: печное отопление, воду носили ведрами из колонки, нехватало медикаментов, инструментов, белья. Мария Семеновна, потерявшая на войне сына, всю себя отдала детям, вникая не только в лечебные, но и бесчисленные хозяйственные вопросы.

В 1947 г. открылась кафедра педиатрии Витебского медицинского института. Галина Наумовна Перцова, детский врач послевоенных лет, выделила одну маленькую деталь: единственным источником знаний, при нехватке пособий и учебников, были лекции. Но их далеко не всегда удавалось записать: не было тетрадей. Писали... на газетах, между строчек перьевыми ручками, разрывавшими тонкую газетную бумагу. Детская смертность в первые послевоенные

годы была очень высокой, это отражено в документах [3, 8], об этом рассказывал и М.Г. Жолнеровский, студент нашего медицинского института, ушедший на войну с 5-го курса, встретивший Победу в Берлине. Возвратившись в Витебск, он стал патологоанатомом, хирургом работать не позволяло серьезно подорванное на войне здоровье. Патологоанатомическую службу, как рассказывал Михаил Григорьевич Жолнеровский, приходилось организовывать с нуля.

Дети умирали от туберкулеза, менингита, крупозной пневмонии и просто от истощения. Фронтальной хирург Р.Д. Биркан, заведующая детским хирургическим отделением, и после войны лечила, оперировала больных с диагнозом «раны военного времени». Только теперь это были дети, подрывавшиеся на минах. Война добивала тех, кто выжил.

И все-таки, благодаря тем людям, о которых мы рассказали, и сотням тех, кого, к сожалению, мы не знаем, были спасены наши дети, спасен город, о котором американская комиссия сделала заключение: «Мертвый город. Витебск восстановить невозможно» [8].

Прошло 66 лет после победы. Стали взрослыми внуки и правнуки участников войны, а сами они, в большинстве своем, ушли в вечность.

Слишком большая цена была заплачена за наше благополучие. Мы не имеем права забывать этих людей, их жизнь – жизнь, которую без преувеличения можно назвать подвигом.

*«Vestiga semper adora»
«Всегда помни о прошедшем»*

Литература

1. Белов, С.И. «Ликвидация тяжелых последствий оккупации Витебской области (1943-1944 г.)» / С.И. Белов // Подвигу народа в Великой Отечественной войне – память и благодарность потомков: материалы науч.-практ. конф. студентов и сотрудников ВГМУ, посвящ. 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Витебск: ВГМУ, 2005 г. / редкол.: А.Н. Косинец [и др.]. – Витебск, 2005. – С. 52-54.
2. Витебск: Энциклопедический справочник / редкол.: Шамякин И. П. (гл. ред.) [и др.]. – Минск.: БелСЭ им. П. Бровки, 1988. – 408 с.
3. Витебский государственный медицинский университет / редкол.: А.Н. Косинец (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГМУ, 2004. – 547 с.
4. Гинзбург, Б.Л. Ими может гордиться наш университет / Б.Л. Гинзбург // Подвигу народа в Великой Отечественной войне – память и благодарность потомков: материалы науч.-практ. конф. студентов и сотрудников ВГМУ, посвящ. 60-летию Победы в Великой Отечественной войне / редкол. А.Н. Косинец [и др.]. – Витебск, 2005. – С. 100-106.
5. Исакова, М.С. Организация мероприятий по ликвидации очагов инфекционных заболеваний при освобождении Белоруссии в годы Великой Отечественной войны / М.С. Исакова, С.М. Логвиненко // Подвигу народа в Великой Отечественной войне – память и благодарность потомков: материалы науч.-практ. конф. студентов и сотрудников ВГМУ, посвящ. 60-летию Победы в Великой Отечественной войне / редкол. А.Н. Косинец [и др.]. – Витебск, 2005. – С. 84-89.
6. Кернер-Шрадер, П. Дневник немецкого солдата / П. Кернер-Шрадер. – М.: Воениздат, 1961. – 272 с.
7. Короткина, В.Л. Падпольная дзейнасць супрацоўнікаў і студэнтаў Віцебскага дзяржаўнага медыцынскага інстытута ў гады Вялікай Айчыннай вайны ў Віцебску / В.Л. Короткина // Подвигу народа в Великой Отечественной войне – память и благодарность потомков: материалы науч.-практ. конф. студентов и сотрудников ВГМУ, посвящ. 60-летию Победы в Великой Отечественной войне / редкол.: А.Н. Косинец [и др.]. – Витебск, 2005. – С. 62–65.
8. Память «Витебск» / редкол. Пашков Г.П. (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларус. энциклопедия, 2000. – 2 т.
9. Пахомов Н.И. Витебское подполье / Н.И. Пахомов, Н.И. Дорофеенко, Н.В. Дорофеенко. – Минск: Беларусь, 1969г. – 238 с.
10. Сушко, Е.П. Жизнь в тылу врага / Е.П. Сушко // Подвигу народа в Великой Отечественной войне – память и благодарность потомков: материалы науч.-практ. конф. студентов и сотрудников ВГМУ, посвящ. 60-летию Победы в Великой Отечественной войне / редкол. А.Н. Косинец [и др.]. – Витебск, 2005. – С. 40-43.